

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

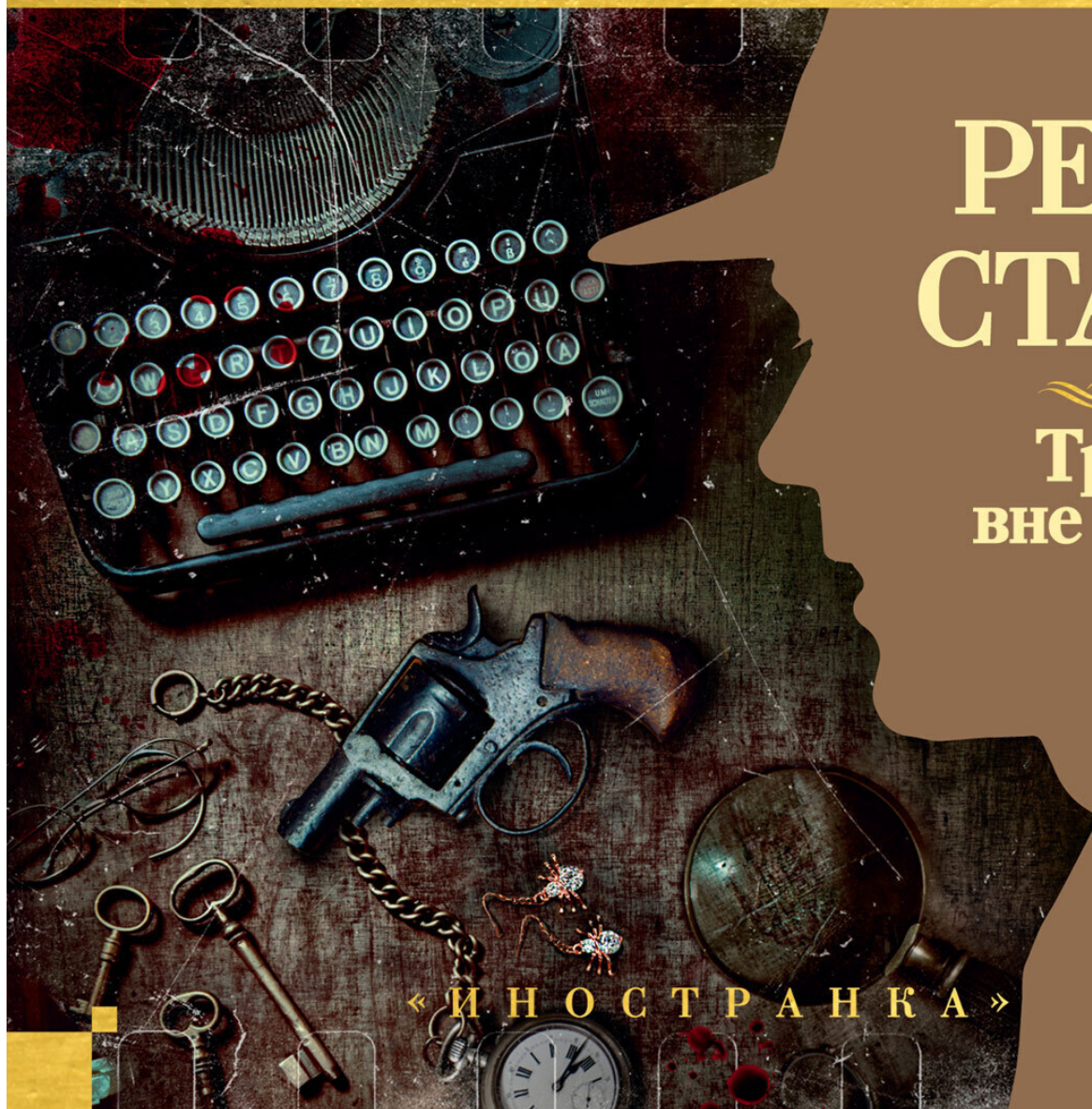

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Трое
вне игры

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Трое вне игры

«Азбука-Аттикус»

1952,1953

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Трое вне игры / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1952,1953 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19913-2

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В книгу вошли три повести о Ниро Вульфе и его друге Арчи Гудвине: «Приглашение к убийству», «Без улик», «Это вас не убьет».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19913-2

© Стаут Р. Т., 1952,1953

© Азбука-Аттикус, 1952,1953

Содержание

Приглашение к убийству	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рекс Стаут

Трое вне игры

Приглашение к убийству

Глава 1

Опрятно одетый крошечный человечек обиделся. Он явно был задет.

– Нет, сэръ! – запротестовал он. – Ошибаетесь! Это отнюдь не мелочные семейные дразги, как вы позволили себе выразиться. Разве я не имею вполне законного права интересоваться всем, что так или иначе влияет на судьбу состояния, нажитого моим отцом?

Не обладая и половиной того веса, которым природа наделила Ниро Вулфа, человечек совсем утонул в недрах красного кожаного кресла, стоявшего в трех шагах от стола великого сыщика. Сам Вулф, удобно заполнив необъятных размеров кресло позади стола, мрачно разглядывал предполагаемого клиента – господина Германа Луэнта, жителя Нью-Йорка и Парижа. Что касается меня, то, сидя с блокнотом и ручкой наготове, я сохранял нейтралитет, так как вечером – это была пятница – собирался пойти на свидание, а окажись дело срочным и согласись мы за него взяться – прощай, выходной!

Вулф, как всегда, когда его о чем-нибудь упрасивали, пребывал в смятении. Он терпеть не мог работать, но любил есть и пить, а его обширное хозяйство в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, включая орхидеи в оранжерее на крыше, требовало непомерных финансовых затрат. Единственным источником средств к существованию служил доход частного детектива, и как раз сейчас на краю его стола лежала пачка купюр. Положивший ее туда Герман Луэнт утверждал, что это тысяча долларов.

– Откуда у вас такое право? – спросил ненавидящий работу и все еще пребывающий в смятении Вулф.

Мистер Луэнт был человеком миниатюрным. Щуплый, низенький, с маленькими ручками и ножками, с тощим лицом, на котором виднелся сжатый в точку совершенно безгубый рот, он, очевидно, уже вступил в тот возраст, когда начинают сморщиваться и усыхать. Однако на слабака он не походил. Заглянув в его проворные маленькие серые глазки, вы понимали, что этому человеку были известны ответы на многие и многие вопросы и что даже по поводу тех, ответы на которые он не знал, он мог высказать весьма разумные догадки.

Он все еще злился на Вулфа, хотя старался этого не показывать.

– Я решил обратиться к вам, – начал Луэнт, – поскольку мое дело требует очень деликатного подхода, и лишь сочетание достоинств таких двух мастеров, как вы и мистер Гудвин, позволит в нем разобраться. Поэтому я готов терпеть ваши грубости. Необходимое мне расследование абсолютно законно, ибо состояние, о котором идет речь, было нажито моим отцом. Он владел медными рудниками. Моя мать умерла, когда я еще лежал в колыбели, поэтому некому было научить меня, как следует себя вести. Никто и никогда не пытался этого делать, а теперь, видимо, учиться уже поздно. Несколько месяцев назад я содержал трех любовниц: в Париже, Тулузе и Риме, и одна из них попыталась меня отравить.

Я внимательно оглядел его и решил отныне не верить ни единому его слову. Просто не та у него была комплекция.

– Теперь я немного остепенился, – продолжал он, – годы берут свое, но в молодости славился ветреностью. Отец этого не одобрял и в конце концов отказался видеться со мной, не давая, правда, умереть с голоду. Он был достаточно щедр. Отойдя в мир иной двадцать лет

назад – мне тогда стукнуло тридцать шесть, – он завещал все свое состояние моей сестре Берил с просьбой не оставлять без внимания мои нужды. Она следовала его воле в точности, пока год назад не скончалась сама. В тот момент я был за границей, где живу большую часть времени, но, конечно же, прилетел на ее похороны.

Он пожал плечами, как француз, во всяком случае не как американец.

– Из миллионов, унаследованных Берил от нашего отца, она не оставила мне ничего. Ни цента, ни су. Она завещала их своему мужу Теодору Хаку с просьбой не забывать о моих нуждах, записанной точь-в-точь как в завещании отца. В отличие от меня, сестра всегда его слушалась. Я предложил Хаку, что было бы куда проще перевести сразу часть состояния – скажем, миллион или хотя бы пятьсот тысяч – на меня, но он ответил, что придерживается иного мнения. Он заявил, что считает своим долгом неукоснительно следовать последней воле Берил, и согласился выплачивать мне ту же сумму, какую на протяжении предшествующих двух лет выплачивала она, то есть тысячу долларов в месяц. И тут я не сделал того, что мне надлежало сделать в создавшейся ситуации...

Он умолк, ожидая вопроса, и Вулф послушно его задал:

– Что же вам надлежало сделать?

– Убить его. Он сидел в кресле-каталке – у Хака больные ноги, и он не может ходить, – сидел в доме моего отца как хозяин и говорил, что будет высылать мне тысячу долларов в месяц из отцовского состояния. Это было приглашением к убийству. Ведь убей я его со всеми необходимыми предосторожностями, и, согласно завещанию сестры, мне был бы обеспечен пожизненный годовой доход в сорок тысяч долларов. Признаться, подобная мысль посетила меня, но, увы, я совершенно не гожусь ни для каких рискованных предприятий, и пусть я так и не научился себя вести, мой инстинкт самосохранения необычайно развит. – Он пошевелил маленькой ручкой. – Именно он, инстинкт самосохранения, и привел меня к вам. Если по какой-либо причине Теодор Хак, эта тварь в кресле-каталке, перестанет принимать во внимание мои нужды, я умру с голоду. Я не способен зарабатывать на жизнь. Потому-то, получив в Париже предупреждение о грозящей опасности, я немедленно купил билет на самолет и примчался в Нью-Йорк. Мой зять радушно принял меня в доме моего отца. Чертовски благородно с его стороны! И я тут уже почти две недели, и я в совершеннейшем тупике. Дело в том, что в доме постоянно находятся три женщины... – Внезапно он умолк, нацелил на меня маленькие серые глазки, затем перевел их на Вулфа и произнес: – Это конфиденциально.

– Как и все, что обсуждается в стенах моего кабинета, – кивнул Вулф. – Смелее, сэр.

– Что ж, хорошо. – Луэнт сморщил крошечный ротик, отчего тот сделался еще меньше, и пожал плечами. – Есть все основания полагать, что полученное мной предостережение имеет реальную почву. В доме Хака, помимо повара и прислуги, постоянно находятся три женщины: миссис Касси О'Ши, экономка, вдова; мисс Сильвия Марси, сиделка, и мисс Дороти Рифф, так называемая секретарша. Они все имеют на него виды, и похоже, что одной в этом плане удалось преуспеть больше, нежели остальным. Беда в том, что я не знаю и не могу узнать, какой именно. Понимаете, я давно отыскал формулу, как ладить с женщинами, но в данном случае не имею возможности ею воспользоваться. И я в замешательстве. Надо как можно скорее выяснить, какая из этих трех особ поймала на крючок моего зятя.

– И тогда вы вмешаетесь? Со своей формулой? – Вулф хмыкнул.

– Боже упаси! – испугался Луэнт. – Это слишком обременительно, требует массы времени, к тому же вскоре появится новая претендентка. А я планировал вернуться в Европу до Рождества. Мне просто надо завоевать ее симпатию, заручиться ее благосклонностью. Я хочу быть уверен, что, женив на себе Хака, она сохранит хорошее ко мне расположение. Потребуется три недели, если речь идет о мисс Марси или мисс Рифф, и четыре, если это миссис О'Ши. Видите, тут далеко не мелочные семейные дразги, а совершенно законное расследование.

– Предположим, – согласился Вулф. – Но это фантастика.

– Вовсе нет. Это вполне осуществимо и чрезвычайно важно. Благополучие всей моей жизни целиком зависит от доброй воли Теодора Хака. Если он женится, да еще на женщине значительно моложе себя, как долго я смогу тогда пользоваться его благосклонностью, дающей мне двенадцать тысяч долларов в год, если его жена будет настроена против меня?

Вулф запыхтел:

– Что конкретно вы от меня хотите?

– Как можно скорее выяснить, какая из трех женщин запустила когти в Теодора Хака. Эта тысяча долларов, – Луэнт указал на лежащую на столе Вулфа пачку купюр, – ваша как в случае успеха, так и в случае неудачи. Однако она должна полностью покрыть следственные расходы, ибо в сложившейся ситуации представляет собой тот максимум, который я готов заплатить. Вероятно, мое дело покажется не заслуживающим особого внимания, но, поскольку вы никогда не покидаете дом по делам, оно не потребует от вас много времени и усилий. Основная часть работы будет выполнена мистером Гудвином, все равно получающим у вас жалованье, а накладные расходы выйдут ничтожными: оплата такси отсюда до дома моего отца на Шестидесят девятой улице, ныне принадлежащего Хаку, и обратно. Я наслышан о способностях и отваге мистера Гудвина и вполне допускаю, что одного дня, одной поездки ему окажется достаточно. Не без консультации с вами, разумеется. Он может отправиться со мной прямо сейчас.

Я не расцеловал его. Да, я люблю комплименты, пусть они даже несколько прямолинейны, но, во-первых, давно научился вести себя в подобных обстоятельствах, а во-вторых, на вечер у меня было назначено свидание.

Мрачные складки на лице Вулфа слегка разгладились.

– Вы сказали, что получили предостережение. От кого?

– От Пола Таера, племянника Хака. Таер квартирует у него в доме. Он такой же не приспособленный к жизни, как и я: целыми днями сочиняет музыку, которую никто никогда не будет слушать. Таер лелеет надежду унаследовать от Хака часть состояния моего отца и поэтому, обеспокоившись, сразу написал мне.

– Что же его обеспокоило?

– Множество мелких деталей и один существенный факт. Не так давно к Хаку приходил человек с коробками от Тиффани, и Хак провел с ним в кабинете почти час. Это могло означать только одно: он покупал какие-то драгоценности для женщины – одной из трех перечисленных.

– Почему? Разве не существует других?

– Для Хака не существует, – покачал головой Луэнт. – Он прикован к креслу-каталке и с тех пор, как умерла моя сестра, выбирался из дому не больше двух или трех раз. Женщины его не посещают. Это должна быть одна из трех. Вы удивитесь, почему мы с Полом сами не выясним, какая именно. Но все не так-то просто. Мы видим Хака крайне редко, он даже пищу принимает в своей комнате или в кабинете. Пол, конечно, пробовал что-то нащупать, да и я предпринял несколько незначительных шагов в этом направлении, но дело, сами понимаете, деликатное...

– Подружитесь со всеми тремя.

– Невозможно. Они слишком ревнуют друг к другу.

– Тогда дождитесь, когда одна из них наденет подарок от Тиффани. Тут уж все станет ясно.

– В том числе и с мотивами, которыми я руководствуюсь. Что-что, а глупыми их не назовешь.

– Но ведь столь же ясным это станет и после того, как мистер Гудвин выведет соблазнительницу на чистую воду, – возразил Вулф. – Не без консультации со мной, разумеется.

– Но речь не идет о том, чтобы выводить кого-то на чистую воду! Отнюдь! – От волнения Луэнт даже съехал с гладкого кожаного сиденья. – Господи, неужели так сложно провести расследование, не посвящая никого в его истинные цели?! Поймите, я не смогу привести Гудвина

в дом, чтобы он допрашивал девушек касательно их отношений с Хаком, даже если захочу. Это дом моего отца, но хозяин в нем Хак. Нам придется воспользоваться какой-то уловкой, особенно для того, чтобы предоставить Гудвину случай побеседовать с самим Хаком. Например...

Он был прерван неожиданным звуком, раздавшимся со стороны Вулфа, – наполовину рычанием, наполовину урчанием. Звук для этого и предназначался.

Маленькие серые глазки Луэнта раскрылись в испуге и недоумении.

– Что-то не так?

– Пф! – произнес Вулф с легким отвращением. – Допускаю, я мог бы поинтересоваться любовными планами состоятельного вдовца, если бы находился в стесненных обстоятельствах, а наживка была впечатляющей. Но при существующем раскладе вы напрасно тратите свое время. И мое тоже. До свидания, сэр.

Это прозвучало окончательно и бесповоротно. Маленький сморщенный ротик Луэнта задвигался из стороны в сторону.

– Вы хотите сказать, что отказываетесь взяться за дело?

– Совершенно верно.

– Я так и думал, но решил все же попробовать. – Он соединил пальцы обеих рук. – Ладно, попытаемся иначе. Но это конфиденциально.

– Вы уже говорили.

– Знаю, но тут дело другое. Моя сестра умерла здесь, в Нью-Йорке, в доме моего отца, от отравления птомаином, продуктом гниения, содержавшимся в съеденной ею пище. Хак послал мне в Париж телеграмму, и я прилетел на ее похороны. По данному поводу у меня никогда не возникло бы никаких подозрений, не случись две вещи. Во-первых, Оделетт, моя тулузская любовница, обезумев от ревности, попыталась меня отравить, тем самым продемонстрировав, что убийство может совершить кто угодно, был бы мотив достаточно серьезным; и во-вторых, я получил от Пола Таера предупреждение, что Хака охмурила одна из живущих в доме женщин. Это заставило меня задуматься, и я отправился в библиотеку, где внимательно изучил статью о птомаине. Все три женщины непосредственно присутствовали при том, как отравилась моя сестра, и я уверен, что одна из них приложила к этому руку.

– На основании каких улик вы так считаете?

– У меня их нет. Вероятно, она уже тогда приворожила Хака или же думала, что это лишь вопрос времени. Проведенные здесь две недели только укрепили мою уверенность. Но что я мог сделать? Я даже не осмеливался кого-либо о чем-либо расспросить. В полиции надо мной попросту посмеялись бы. И тут я, естественно, подумал о вас, но самое большее, что смог наскрести, – тысяча долларов. Для вас это гроши, поэтому я решил попробовать уговорить вас взяться за дело, не упоминая об убийстве, а лишь рассказав о конкретной цели расследования... Что ж, теперь вы знаете все. – Он рубанул воздух рукой. – Я хочу остановить ее! И надеюсь, что смогу этого добиться, выяснив, кто она.

– Как же вы ее остановите, не имея улик?

– Не важно. Это уже мое дело. Только бы удалось узнать ее имя. Для достижения своей абсолютно законной цели я готов заплатить авансом тысячу долларов в качестве компенсации за время и усилия мистера Гудвина плюс ваша консультация. Итак, десять часов Гудвина и десять минут ваших. Пусть меньше. Сколько бы ни было, я хочу их купить.

Внезапно Вулф отъехал на своем кресле от стола и поднялся.

– Мне нужно сделать важный телефонный звонок, – пояснил он Луэнту. – Оставляю вас с мистером Гудвином. Поскольку, как вы говорите, вся работа будет выполнена им, мое присутствие не потребуется даже для того, чтобы решить, браться за нее или нет.

Он пересек комнату и вышел в прихожую, однако вовсе не потому, что хотел позвонить. Не желая отказываться от денег, но и не рискуя взваливать на свои плечи вину за мой испорченный во имя презренной тысячи долларов выходной, он решил оставить последнее слово

за мной. Теперь он пойдет на кухню, откроет бутылку пива и будет высказывать Фрицу пожелания относительно приготовления ланча. А я... я влип. Если теперь выпроводить Луэнта за дверь, то пройдут месяцы, прежде чем я смогу вновь раскрыть рот, чтобы упрекнуть Вулфа за отказ от предлагаемой работы. Поэтому я взял небольшую пачку купюр, которую маленький человек положил на стол Вулфа, пересчитал и удостоверился, что в ней двадцать штук по пятьдесят долларов.

– Ладно, – сказал я ему. – Я напишу вам расписку. Полагаю, что прежде всего нам следует обсудить способ, с помощью которого мы собираемся найти подход к Хаку. Вы согласны?

Он был согласен.

Глава 2

Хотя фасад некогда принадлежавшего отцу Луэнта гранитного особняка на Шестьдесят девятой улице между Пятой и Мэдисон-авеню не мыли, наверное, с тех самых пор, как маленький Герман родился там в далеком XIX веке, внутри дома, несомненно, произошли изменения. Автоматический лифт был просторным и современным, и я без труда догадался, что его установили уже после того, как нынешний владелец этих хором оказался прикованным к креслу-каталке по причине болезни артерий.

Луэнт потребовал отложить военные действия, пока Теодор Хак не закончит ланч. Когда мы наконец добрались до места и были впущены в дом женщиной-гренадером, которая легко могла бы поместить Германа в кармане своего передника, часы показывали уже начало третьего. Но я все еще надеялся, что изловчусь заработать тысячу за оставшуюся часть дня и сумею спасти выходной. Поэтому, когда гренадерша взяла у нас шляпы, я не стал тратить время на разглядывание роскошного огромного холла, а направился следом за Луэнтом к лифту. Мы поднялись на этаж и повернули направо по коридору, который был несколько уже, но длиннее, чем нижний. Меня удивила толщина ковров в доме, хозяин которого передвигался в кресле-каталке.

Удивление возросло еще больше, когда мы вошли в расположенную в задней части дома просторную комнату с высокими потолками и я увидел это кресло-каталку. Его сиденье показалось бы довольно широким даже для Ниро Вулфа. По бокам располагались всевозможные полочки, подносы и отделеньица. Сзади внизу находился мотор. Люминесцентная лампа, прикрепленная слева к спинке кресла, освещала страницы журнала, лежавшего на коленях хозяйина.

– Это мистер Гудвин, я говорил вам о нем, – сказал Луэнт, развернулся и вышел.

Теодор Хак не произнес ни слова. Бросив журнал на стоявший рядом столик, он нажал какую-то кнопку, и подножка кресла стала плавно подниматься вверх, пока его ноги, укрытые шотландским пледом, не выпрямились горизонтально. Он нажал другую кнопку, и спинка кресла подалась назад. Теперь Хак полулежал. Он нажал третью кнопку, и его ноги начали довольно резко перемещаться из стороны в сторону. Он закрыл глаза.

Я опустил на стул и бегло осмотрел комнату, служившую ему кабинетом. Стены были обшиты старинными дубовыми панелями. Дорогие картины и множество книг. Я взглянул на Хака. Верхняя часть тела для человека его возраста была идеальной: сужающийся к талии торс, широкие плечи, черты лица пропорциональные, правильные, довольно густые, некогда темные, а теперь в основном седые волосы. Он лежал так, с ногами, болтающимися из стороны в сторону на качающейся раме, добрых пять минут, и я смог как следует его разглядеть.

Наконец движения прекратились, Хак снова нажал кнопки – ноги опустились, торс поднялся – и подтянул край шотландского пледа до пояса. Он смотрел на меня, но я не мог встретиться с ним взглядом, потому что его глаза, похоже, были уставлены в точку, находившуюся на фут ниже моего подбородка.

– Я проделываю эти упражнения шестнадцать раз в день, – сказал он. – Каждый час, если не сплю. И знаете, помогает. Год назад я едва мог стоять, а теперь уже способен сделать пять-шесть шагов. Ваша фамилия Гудвин?

– Совершенно верно.

– Мой шурин передал, что вы хотели со мной встретиться.

– Не совсем так, ну да ладно, – кивнул я. – Это он хотел, чтобы я встретился с вами. Меня зовут Арчи Гудвин, я работаю у Ниро Вулфа, частного сыщика, и ваш...

– А! Так вы тот самый Гудвин?

– Именно. Ваш шурин обратился к нам за помощью. Он утверждает, что его сестра...

Дверь по правую руку открылась, и в комнату мелкими шажками вошла молодая женщина моего возраста с бумагами в руках. Светловолосая, с серо-зелеными глазами. В ней, как в творении мастера, не было ни единого изъяна, по крайней мере на первый взгляд. Остановившись на полпути к креслу-каталке, она спросила:

– Мистер Хак, вы подпишете письма сейчас?

– Позже, мисс Рифф. – Его голос был несколько жестковат. – Сейчас у меня дела.

– Но вы говорили... Я думала, что вы, вероятно...

– Это не к спеху.

– Хорошо. Извините, если помешала.

Она вышла, затворив за собой дверь так осторожно, что не произвела никакого шума.

– Это Дороти Рифф? – спросил я Хака.

– Да. А что?

– Я как раз начал вам рассказывать. Мистер Луэнт утверждает, будто его сестра пообещала, что в случае ее смерти он получит значительную денежную сумму. Это произошло приблизительно за год до ее кончины, и он не верит, что сестра могла не сдержать слова и не оставить соответствующих распоряжений.

Хак покачал головой:

– Он присутствовал при чтении ее завещания и сам его видел.

– По словам Луэнта, сестра не собиралась помещать в завещание такой пункт, ибо это явилось бы нарушением воли ее отца. Он считает, что, скорее всего, она передала упомянутую сумму кому-то на хранение – не вам, конечно, так как вы выполнили бы ее указания сразу и в точности. Он подозревает, что это могла быть мисс Рифф, или мисс Марси, или миссис О’Ши, и хочет, чтобы мистер Вулф провел по данному поводу небольшое расследование. Но оно допустимо, по его словам, лишь с вашего ведома и согласия, потому-то мистер Луэнт и попросил вас принять меня. Мистер Вулф...

Распахнулась другая дверь – та, через которую мы с Луэнтом входили в комнату, – и к нам присоединилась еще одна особа женского пола. С виду она была несколько моложе Дороти Рифф, хотя я легко мог ошибиться, столь выгодно одежда медсестры оттеняла ее большие карие глаза и темно-каштановые волосы. Не останавливаясь и ни о чем не спрашивая, она подошла к шкафчику, достала стакан, бутылку двадцатилетнего шотландского виски «Солуэй» с полосатой этикеткой, флакон с каким-то лекарством, налила одну унцию из бутылки и две унции из флакона в стакан, после чего подала стакан Хаку.

– Все в порядке? – спросила она низким воркующим голосом.

– Замечательно.

– Ваше упражнение в два тридцать?

– Сделано.

Она удалилась, стрельнув в меня коротким быстрым взглядом. Когда дверь за ней закрылась, Хак сказал:

– Я принимаю это лекарство каждые два часа. Кстати, не хотите ли отведать его сами?

– Нет, спасибо. Это была Сильвия Марси?

– Да. Так вы говорили, что мистер Вулф...

– Мистер Вулф, – подхватил я, – считает, что, прежде чем побеседовать – с вашего разрешения, разумеется, – с этими тремя женщинами, мне следовало бы узнать ваше мнение по некоторым вопросам. Например, считаете ли вы возможным, что миссис Хак сделала распоряжение такого характера, как утверждает мистер Луэнт? Не вспоминаются ли вам какие-либо ее слова, указывающие на это? Ее счета за последние месяцы перед смертью – скажем, за год... Не свидетельствуют ли они об изъятии необычно большой суммы наличными или в ценных бумагах? И наконец, самое важное: какую из этих трех женщин ваша жена могла бы, скорее всего, избрать для такого поручения?

Вероятно, Хак думал, что пронзает меня взглядом, но прицел был по-прежнему низким.

– Мой шуринок никогда не упоминал при мне... – начал он отрывисто.

– Он говорит, – кивнул я, – что боялся вас оскорбить. Но теперь, когда минул год и стало очевидно, что, помимо содержащейся в завещании миссис Хак просьбы не оставлять без внимания его нужды, мистеру Луэнтуну ничего не причитается, он хочет прояснить ситуацию, по возможности не причиняя вам беспокойства.

– О каком беспокойстве идет речь?

– Не знаю. Вы очень состоятельный человек. Мисс Рифф, мисс Марси и миссис О’Ши живут в вашем доме, и вам может не понравиться, что я начну задавать им вопросы.

– Мисс Рифф не живет здесь.

– А две другие?

– Живут.

– Вы считаете всех их честными и заслуживающими доверия?

– Да.

– Это важно. А уверены вы в ком-либо из них настолько, что могли бы полностью исключить ее из круга рассматриваемых лиц?

Он поморщился, протянул руку, чтобы поставить стакан из-под лекарства на столик, и уже открыл рот, чтобы ответить, как вдруг ведущая в коридор дверь снова открылась и на пороге возникла новая посетительница. На сей раз я растерялся. Если относительно секретарши или сиделки вопрос был ясен, то увидеть экономку в белом платье с ярко-синим узором я явно не ожидал. Она была несколько старше двух предыдущих, но на старуху, однако, никоим образом не походила. У нее были каштановые волосы, темно-голубые глаза, а во время ходьбы она едва уловимо покачивала бедрами.

Она деловито приблизилась к креслу-каталке, наклонилась и подоткнула край пледа под ноги Хаку. Я следил за его глазами. Естественно, он посмотрел на нее, но выражение его глаз показалось мне скорее озабоченным, нежели довольным.

– Так хорошо, сэр? – спросила она, выпрямившись.

– Да, спасибо, миссис О’Ши.

– Будут какие-либо распоряжения?

– Пока никаких.

Она сделала четверть оборота в мою сторону и смерила меня взглядом – слишком непродолжительным, чтобы назвать его пристальным, но и не уклончивым. Я даже собрался послать ей улыбку, но она уже развернулась и направилась к выходу. Сзади покачивание бедер было гораздо более заметно, чем спереди. Созерцая его, я подумал, что все три женщины определенно не церемонились, желая подвергнуть незнакомца беглому осмотру. Когда мы с Луэнтонтом поднимались на этаж и пересекали коридор, ни одной из них не было и в помине, но стоило мне провести в кабинете Хака пятнадцать минут, как вся троица прогарцевала передо мной. Если они относились друг к другу слишком ревниво, чтобы вести совместные разведывательные действия, значит у каждой имелся личный радар.

Когда дверь затворилась, Хак снова заговорил:

– Итак, насчет ваших вопросов. Прежде всего я сильно сомневаюсь, чтобы жена могла сделать какое-либо распоряжение подобного характера. И конечно же, при мне она о нем не упоминала. Насколько я могу судить, в последний год жизни она не изымала из банка крупных сумм наличными или в ценных бумагах без определенной цели, однако я буду рад попросить бухгалтеров это проверить. Хотя я далек от того, чтобы обвинять своего шурина в подтасовке фактов, однако считаю, что он явно неверно истолковал какие-то слова Берил. Но раз уж он обратился к Ниро Вулфу и вы взяли на себя труд приехать сюда, придется пойти этому негоднику навстречу. Вы хотели бы поговорить с женщинами по отдельности или со всеми вместе?

– Для начала со всеми.

– Сколько это займет? Вы управитесь сегодня?

– Постараюсь, но не знаю, как выйдет.

Хак посмотрел на меня, начал что-то объяснять, затем решил, что не стоит, и нажал кнопку. В то же мгновение его колесница рванулась вперед, точно дикая лошадь из загона, чуть не задев одной из своих дутых покрывшек мою ногу. Остановившись перед дверью в коридор, он дотянулся до ручки, широко распахнул дверь, и кресло, вписавшись в поворот, исчезло в проходе. Я уже поднялся, чтобы последовать за Хаком, когда из коридора раздался его крик:

– Герман! Спустишь-ка сюда!

Теперь я, конечно, знаю, что переполошило всех домочадцев: Пол Таер, племянник Хака, проговорился, что я – Арчи Гудвин, ассистент самого Ниро Вулфа, но в тот момент я еще ничего такого не знал и с интересом наблюдал, как они стягиваются к нам со всего дома. Дороти Рифф появилась из двери в конце коридора; миссис О’Ши поднималась по лестнице снизу; Луэнт и Сильвия Марси спускались по лестнице сверху. С лифтом возиться никто не захотел.

Увидев Хака, удобно восседающего в кресле-каталке, и меня в непринужденной позе чуть позади, они перестали волноваться и приближались уже спокойнее.

– Ты звал меня, Теодор? – спросил Луэнт, который стоя был точно такого же роста, как Хак – сидя.

Девушки расположились вокруг нас.

– Да, звал, – ответил Хак. – Мистер Гудвин обрисовал мне ситуацию, и я хочу, чтобы ты слышал, что я скажу миссис О’Ши, мисс Марси и мисс Рифф. – Его взгляд обежал женскую половину собравшихся. – Полагаю, всем вам известен частный сыщик по имени Ниро Вулф. Сегодня утром мистер Луэнт обратился к нему с просьбой провести одно небольшое расследование, и тот направил сюда мистера Гудвина для сбора предварительной информации. Мистер Гудвин выразил желание опросить вас троих, дорогие леди. Отвечайте, как считаете нужным, но при этом хорошенько подумайте. Вот, собственно, и все, что я хотел сообщить. Запомните: я не накладываю никаких ограничений на круг задаваемых мистером Гудвином вопросов и на то, что вам следует отвечать. Вместе с тем не забывайте: расследование, инициатором которого выступил мистер Луэнт, носит частный характер и за вами сохраняется полная свобода решать, какие факты могут иметь отношение к делу, а какие нет.

Меня это несколько не волновало. Хак будто знал, зачем я явился к нему в дом, и теперь прилагал все усилия, чтобы я ушел с пустыми руками.

Он так и не дал повода для сколько-нибудь вероятной догадки, которая из трех прелестниц поймала его в сети.

Глава 3

Мы поднялись лифтом на два этажа в комнату, которая называлась швейной. Название, вероятно, сохранилось с давно минувших дней, потому что ни швейного оборудования, ни запасов материи там не было. Миссис О'Ши хотела рассадить нас вокруг стола, но я предложил сделать беседу более непринужденной, и мы опустились в мягкие кресла, стоявшие напротив дивана, на котором, облокотясь на подушки, удобно расположились две другие девушки.

Слушательницы они были отменные. Так как за внимание аудитории бороться не приходилось, я не спешил брать быка за рога. Рассказав о визите Луэнта в кабинет Вулфа, я коснулся истории его детства и периода раннего возмужания, сдержанно, не выжимая слезу, поведал об отсутствии материнской ласки и тепла. Я признал, что порой он вел себя безответственно, за что жестоко поплатился, оказавшись вычеркнутым из отцовского завещания. Серо-зеленые глаза мисс Рифф, карие глаза мисс Марси и темно-голубые глаза миссис О'Ши сосредоточенно смотрели на меня, подбадривая, прибавляя красноречия, но не позволяя удаляться от темы. Я рассказал об обещании, которое сестра дала Луэнту за год до своей смерти – что было, конечно, чистейшим вымыслом, – о его убежденности, что она сдержала слово, и о подозрении, что значительная денежная сумма наличными или в ценных бумагах была доверена ею кому-то для последующей передачи брату. Я добавил, что, по его мнению, хранительницей богатства могла стать одна из присутствующих и поэтому мне очень хотелось бы услышать их ответы на некоторые вопросы.

Миссис О'Ши констатировала, что Луэнт – безобразное маленькое ничтожество. Мисс Марси отметила, что все сказанное мной смехотворно. А мисс Рифф, вздернув носик, спросила:

– Но зачем же задавать несколько вопросов? Вы можете задать один: оставляла ли миссис Хак кому-нибудь из нас что-либо для передачи своему брату? Мы ответим «нет», и тема будет исчерпана.

– С вашей точки зрения – да, – согласился я. – Но ведь мистер Хак объяснил вам: я здесь для того, чтобы расследовать, а расследования так не проводятся. Например, если бы я расследовал нечто действительно серьезное, скажем убийство, и если бы Луэнт заподозрил одну из вас в отравлении его сестры, чтобы получить возможность выйти замуж за Хака?

– Вот это уже лучше, – одобрительно проворковала мисс Марси.

– Да! Но что тогда? Я спрашиваю, вы отвечаете «нет», и мы закрываем тему? Едва ли. По правилам я должен забросать вас вопросами о ваших отношениях с мистером и миссис Хак и друг с другом, о ваших передвижениях и о том, что вы видели и слышали, причем не только в день ее смерти, но и за неделю, за месяц, за год до этого. Можете отвечать или отказаться от показаний. Ответивших я проверю. Отказавшихся проверю дважды.

– Что ж, спросите меня о чем-нибудь, – предложила мисс Марси.

– Играть роль подозреваемой в убийстве по крайней мере увлекательно, – заявила мисс Рифф. – Но терпеть такое, да еще по милости Германа Луэнта... – Она элегантно передернула плечиком. – Право, увольте.

– Ладно, – доброжелательно сказал я. – Только не думайте, допрос будет с пристрастием. Однако сперва я хотел бы выяснить ваши соображения по поводу одной своей идеи. Мне кажется, что если бы миссис Хак хотела передать деньги брату, то логичнее всего ей было бы обратиться к своему мужу. Луэнт уверен, что она так не поступила, ибо, по его мнению, Хак – честный человек и не стал бы тянуть с выполнением завещания. Такое объяснение удовлетворяет Луэнта, но не меня. Хак мог оказаться чересчур честным. Он мог рассудить, что, оставляя солидный денежный куш брату, его жена игнорирует волю отца, а это неправильно, и не пойти

на подобный шаг. Лично мне данный вариант кажется весьма вероятным, но вы, дорогие леди, знаете Хака лучше меня. Что он за человек? Мог он, по-вашему, так поступить?

Ответа не последовало. Они даже не обменялись взглядами. Я не отступал:

– Что думаете вы, миссис О’Ши?

Она покачала головой:

– Вопросы такого рода задавать неэтично.

– Вы же знаете, мы состоим у мистера Хака на службе, – проворковала Сильвия Марси.

– Он замечательный человек, – объявила Дороти Рифф. – Действительно замечательный.

Потому-то одна из нас и отравила миссис Хак, чтобы выйти за него замуж. Но только чего же она ждет? Ведь прошел почти год!

Я воздел руки к потолку:

– Элементарный здравый смысл. В делах такого рода нельзя торопиться, и, кроме того, замужество могло не быть главным мотивом убийства. По сути, возможен еще один, и мне он нравится больше: предположим, миссис Хак вручает кому-то из вас кругленькую сумму, скажем сто тысяч долларов, с тем чтобы после ее кончины деньги были переданы мистеру Луэнту. Но время идет, а миссис Хак остается совершенно здоровой, способной прожить еще двадцать или тридцать лет, и наша героиня, потеряв терпение, решает действовать. Конечно, сейчас она в сложном положении. Имея на руках сто тысяч долларов, она даже по прошествии года не осмеливается начать их тратить.

Миссис О’Ши позволила себе негромко хмыкнуть.

– Я бы не удивилась, если бы это чучело Луэнт действительно вообразил подобную гадость. – В ее голосе сквозил металл, в темно-голубых глазах поблескивали льдинки. – Мистер Хак сказал, что вы будете задавать вопросы и что мы можем отвечать или не отвечать на них – на свое усмотрение. Не станем терять времени.

Я провозился битый час, сделав своих собеседниц гораздо более неприветливыми, но ничуть не более разговорчивыми. Хотя в беседе изобиловали свидетельства того, что женщины не питали друг к другу трепетной любви, и проскальзывали намеки, что Хак рассматривался каждой из них не только как источник жалованья, выбрать необходимую Луэнту красотку по окончании шестидесяти минут я мог бы, лишь прибегнув к гадательным картам Таро. Я был разочарован. Решив, что допустил ошибку, собрав их вместе, я поднялся, поблагодарил за терпение и помощь, сказал, что хотел бы поговорить с каждой по отдельности немного позднее, спросил, где можно с наибольшей вероятностью найти мистера Луэнта, и выяснил, что его комната находилась этажом ниже. Сильвия Марси вызвалась показать, где это, и мы двинулись вниз по лестнице. Она ворковала без умолку. Это было приятное, даже мелодичное воркование, но сколько же можно! Окажись я, как Хак, обречен слушать его ежедневно, то на вторые сутки я бы либо отделался от нее, либо послал за мировым судьей, чтобы совершить обряд бракосочетания.

На мой стук Луэнт распахнул дверь и пригласил войти. Первые четыре шага я прошел по узкому проходу, какие часто бывают в больших старых домах, где ванны встраивались позднее, но затем комната расширялась в просторное помещение. Луэнт предложил мне сесть, но я отказался, сообщив, что только что провел первую встречу с подозреваемыми и теперь хотел бы, если возможно, повидать Пола Таера, племянника Хака.

Мы поднялись по двум лестничным пролетам, которые привели нас на этаж, находившийся над швейной, пересекли коридор и постучали. Голос из-за двери поведаль, что она не заперта.

Комната была невелика, и ни один дюйм ее не остался свободным. В ней стояли односпальная кровать, рояль и пара мягких кресел. Груды книг и папок громоздились на полках, лежали на столах, стопками возвышались на полу. Здороваясь, Таер, который оказался одного возраста со мной, сложенный как бык, вероятно, задумал переломать мне пальцы, но живо

отказался от этой идеи, когда я перешел в контрнаступление. Пока мы поднимались, я сказал Луэнту, что хотел бы переговорить с Таером с глазу на глаз, поэтому, представив нас, Луэнт быстро удалился. Таер плюхнулся на кровать, а я устроился в кресле.

– Так я и думал: вы все завалили, – начал он.

– Да? Каким же образом?

– Вы что-нибудь смыслите в музыке? – Он взмахнул рукой.

– Нет.

– Тогда я не стану пользоваться музыкальными терминами. Ваша идея вломиться сюда под предлогом, будто одна из дамочек прикарманила кусок пирога, предназначавшийся для Луэнта, грандиозно глупа.

– Очень жаль. Я предложил ее взамен идеи Луэнта о том, будто одна из них отравила вашу тетю.

Пол откинул голову назад и захохотал. Вновь обретя дар речи, он произнес:

– Она мне не тетя... хотя, впрочем, может, и тетя, раз дядя Теодор женился на ней. Она умерла в страшных муках. Я был потрясен. Несколько недель после этого я не мог есть как следует. Но предположить, что одна из девушек дала ей яд, – бред! Видите ли, Герман Недомерок просто свихнулся на всяких чудовищных фантазиях. Бог мой, и откуда в человеке такая безмозглая озлобленность?! Тем не менее я его верный союзник. Мы едины. Хотите знать, как страстно я жажду получить один-другой из луэнтовских миллионов, которые заграбастал дядюшка Теодор?

Я ответил, что хочу, но он уже не слышал меня. Он вскочил, широкими шагами подлетел к табурету возле рояля и сел, растопырив нацеленные на клавиши пальцы, запрокинув голову и закрыв глаза. Внезапно обе его руки упали на левую часть клавиатуры, и воздух содрогнулся, как от удара грома.

Последовали новые взрывы и раскаты, затем его кисти стали перемещаться вправо. Послышались скрипение и визг. Все прекратилось так же неожиданно, как и началось. Он обернулся и победоносно взглянул на меня:

– Вот! Вот как я жажду иметь эти деньги! Вот что я чувствую!

– Да-а, – произнес я с состраданием.

– Еще бы! Ведь будь у меня, скажем, пять миллионов, на доход с них я мог бы нанять оркестр из тридцати инструментов, который по часу в неделю играл бы в десяти крупнейших городах мира музыку будущего. Мою музыку!.. Может, вы думаете, что я тронулся? Что ж, вы правы, черт возьми! Бетховена и Бизе тоже в свое время считали свихнувшимися... А записи! Боже, какие записи я сделаю! Вернее, сделал бы. Вместо того чтобы вкушать блаженство, я торчу здесь. Я говорю о миллионах. А хотели бы вы услышать, каково в реальности мое финансовое положение?

Он отвернулся, склонился над роялем, и два пальца его правой руки заплясали по черным клавишам. Он держался в пределах одной октавы и прикасался к ним так легко, что, даже наострив уши, я едва расслышал слабое нестройное треньканье. У меня свело челюсти, я не вытерпел и подал голос:

– Могу одолжить вам доллар.

Он перестал играть.

– Спасибо. Вообще-то, меня тут кормят и голод мне не грозит... Кстати, вам интересен комментарий по этому поводу мисс Марси?

На сей раз он задействовал обе руки, в результате чего получилось не треньканье, а довольно бойко журчащее воркование. Это была мисс Марси – мисс Марси до кончиков ногтей, со всеми ее интонациями и вариациями, хотя в композиции Пола не улавливалось даже признаков мелодии.

– Тютелька в тютельку! – сказал я, когда он закончил. – Я узнаю ее с закрытыми глазами. Превосходно.

– Благодарю. Между прочим, Луэнт говорил вам, что я без ума от мисс Рифф?

– Нет. В самом деле?

– О да! Если бы я сыграл то, что испытываю по отношению к мисс Рифф, вас бы прямо-таки обуяли чувства, чего, увы, нельзя сказать о ней. Я потому и попросил Луэнта приехать, что испугался, не имеет ли она видов на дядю. Я и теперь еще боюсь. А вы... вы и Луэнт... вы все испортили.

Я ответил, что не согласен, и объяснил почему. Прежде всего Луэнт считал, что попытка настроить женщин против него не помешает, а поможет делу. Выяснив с моей помощью имя претендентки, он собирался начать ее обрабатывать и враждебность предпочитал в качестве стартовой позиции безразличию. Таер стал возражать, но расслышать его было трудно, потому что он продолжал аккомпанировать себе на рояле, и я попросил его пересесть обратно на кровать. Мы поговорили еще немного. Он не мог сказать ничего разумного по вопросу, на который мне предстояло найти ответ, поэтому я решил не тратить времени понапрасну, откланялся и запрыгал вниз по ступенькам.

На площадке четвертого этажа мне встретилась горничная с толстым слоем помады на губах. Сперва я хотел затащить ее в швейную и там хорошенько допросить, но потом решил, что это терпит.

Этажом ниже я оказался перед искушением. Правая дверь вела в комнату Луэнта; дверь, специально расширенная, чтобы проходило кресло-каталка, – в комнату Хака. Можно было постучать, если ответят, заглянуть и о чем-нибудь спросить, а если нет, то войти и слегка осмотреться. Имея соответствующую подготовку, человек за пять минут способен заметить многое. Порой это оказывается совершенно простая деталь типа фотокарточки или записки на полке между рубашками. Но я сказал себе «нет» и спустился еще на этаж.

В коридоре не было ни души. Здесь находился кабинет Хака, но он мне был ни к чему, поэтому я продолжил свое путешествие вниз и очутился на первом этаже. Он тоже пустовал, но из-за приоткрытой двери доносились какие-то звуки. Я потянул ручку и вошел в комнату. У меня есть давняя привычка не стучать каблуками.

На экране телевизора мужчина и женщина пожирали друг друга взглядами, причем она тяжело дышала, а он что-то бормотал. В кресле, спиной ко мне, сидела миссис О'Ши. Она потягивала из бокала какой-то напиток. Я погрузился в стоявшее неподалеку от нее кресло и тоже уставился на экран. Она, конечно, заметила мое присутствие, но виду не подавала.

Минут двадцать мы, затаив дыхание, следили за перипетиями сюжета. Когда фильм закончился и началась реклама, она подошла к телевизору и щелкнула выключателем.

– Неплохое изображение, – сказал я тоном знатока.

Она окинула меня взглядом:

– Да, наглости вам не занимать. Вы хотели меня видеть?

– Я подумал, что нам надо переговорить без свидетелей.

– Не сейчас. Ближайшие полчаса я буду занята на кухне.

– Хорошо, пусть позже. Между прочим, мистер Луэнт пригласил меня остаться на обед, но я хотел бы сперва узнать, не будет ли вам это в тягость?

– Мистер Луэнт – гость мистера Хака и волен приглашать, кого хочет. Мистер Хак ест в своей комнате.

Я ответил, что в курсе, и она удалилась. Через минуту я вышел следом.

Решив предупредить Луэнта, что он якобы пригласил меня остаться на обед, я снова поднялся на два этажа к его двери и постучал. Никакой реакции. Пока я стоял в замешательстве, в десяти шагах от меня раскрылась дверь лифта, и оттуда выкатилось кресло-каталка. Заметив меня, Хак притормозил свою колесницу и спросил:

- Вы еще здесь?
- Да, сэр. Если вы не возражаете.
- С какой стати мне возражать?

Он коснулся кнопки и покатил к себе в комнату. Я посмотрел на часы, поднеся их поближе к глазам из-за тусклого освещения: было две минуты шестого. Подумав, что Луэнт мог прилечь вздремнуть, я постучал еще раз и, не получив ответа, сдался. Я вернулся к лестнице, спустился, вышел из дому, дошагал до Мэдисон-авеню, миновал еще квартал вниз до аптеки, нырнул в телефонную будку и набрал номер.

Ответил Вулф. Я отчитался:

– Никакого прогресса. Совсем ничего. Разве что на случай болезни могу порекомендовать сиделку, которая отворкует от вас любую хворь. Я не вернусь домой к обеду. Собственно, я звоню, чтобы поставить вас об этом в известность и проконсультироваться.

– Насчет чего?

– Моих мозгов. В них, видимо, сели батарейки, иначе я бы никогда за такое не взялся.

Он фыркнул и повесил трубку. Я набрал другой номер, попросил позвать Лили Роуэн и сообщил ей, что предпочитаю остаться дома и порешать кроссворды, чем идти к ней на свидание. Она все же вытянула из меня, что я занят расследованием, и сказала, что будет ждать затаив дыхание, пока я снова не позвоню.

Вернувшись в дом, я спросил у впустившей меня гренадерши, где можно найти мисс Рифф. Она не знала. Мисс Марси? Она не знала. Мистера Луэнта? Она не знала. Я горячо поблагодарил ее за информацию и направился к лестнице, гадая, куда это мог запропасться мой клиент. Должно быть, он дрых, и это меня возмутило.

Добравшись до третьего этажа, я громко и отчетливо постучал в дверь, подождал пять секунд, повернул ручку и вошел.

Я чуть было не наступил на него. Он лежал на спине возле самого порога, почти касаясь открытой двери, слегка подогнув одну ногу и вытянув другую.

Я закрыл дверь, нагнулся, расстегнул на нем пиджак и сунул руку под рубашку. Сердце не билось. Его голова была вывернута под странным углом. Я пролез под нее кончиками пальцев, но у основания черепа, вернее, там, где оно предполагалось, рука не встретила никакого сопротивления. Лишь слегка выпирал край проломленной кости. Разрыва на коже я не почувствовал, и крови на пальцах не осталось.

Я постоял, глядя на него сверху вниз, засунув руки в карманы. Насытившись зрелищем, я шагнул туда, где заканчивался узкий коридор и начиналась комната, и внимательно обвел глазами помещение. Затем я наклонился, ухватил Луэнта за плечи и приподнял. Под ним ничего не было. Я тщательно осмотрел его затылок, опустил на пол в прежнее положение, обошел, взял за лодыжки, приподнял и удостоверился, что под этой половиной тела тоже ничего нет. Я подкрался к двери, секунд десять послушал, выскользнул из комнаты и закрыл ее за собой, после чего спустился по лестнице на первый этаж и, никем не замеченный, вышел из дому.

В аптеке на Мэдисон-авеню, прежде чем войти в телефонную будку, я наменял десятицентовиков на полдоллара.

Глава 4

Поскольку в оранжерее Вулфа беспокоить нельзя, а я звонил уже второй раз за двадцать минут, то, едва услышав в трубке мой голос, он принялся брюзжать. Так, из принципа.

– Успокойтесь, – сказал я. – Хочу попросить вас об одолжении. Двадцать минут назад, сообщая об отсутствии прогресса, я, оказывается, ошибся. Похоже, клиента нам разочаровывать не придется. Он мертв. Убит.

– Пф!

– Нет, не «пф»! Заявляю со всей ответственностью... из телефонной будки в аптеке. Я обнаружил труп и теперь хочу попросить вас об одолжении.

– Мистер Луэнт мертв?

– Да. Но прежде мне необходимо кое-что рассказать. Не подробности, конечно. Только самое основное.

– Выкладывай.

И я выложил. Я не стал воспроизводить разговоры дословно, но описал действующих лиц и место действия, а также перечислил все события и перемещения персонажей вплоть до того момента, как распахнул дверь комнаты Луэнта. С этого места мой рассказ сделался более подробным.

– Естественно, возникает ряд вопросов, – подытожил я. – Сразу за порогом комнаты начинается узкий проход шириной четыре фута и длиной десять футов. Там практически не развернуться. Дальше помещение просторное. Труп лежал в проходе по диагонали, ногами к двери, которая в распахнутом положении почти касалась правого ботинка Луэнта. Вдоль прохода постелена ковровая дорожка. Незакрепленная. Она не сбита. Тело, разумеется, на ней. В комнате и в проходе никакого беспорядка. Все в точности так, как было, когда я заглядывал к Луэнту часом раньше.

– За исключением самого мистера Луэнта. – Голос Вулфа звучал сухо и недовольно.

– Угу. Его ударили по затылку чем-то тяжелым и очень твердым, раздробив всю нижнюю часть черепа. Предмет был сравнительно гладким, так как кожа не пробита, а лишь чуть содрана. Крови нет. Я, конечно, не судебный эксперт, но готов спорить, что удар нанесен только один и его направление – снизу вверх. Орудия убийства в проходе не оказалось...

– Под ним?

– Тоже нет. Я приподнимал тело. Нет его и на виду в комнате. Разве не напрашиваются кое-какие вопросы?

– Напрашиваются. И полицейские, несомненно, их зададут.

– Это я и имею в виду. Никто не видел, как я входил в комнату Луэнта или как покидал ее. Поэтому сейчас я мог бы спокойно вернуться домой или, лучше того, еще поспеть на свидание, если бы не одна деталь: та тысяча, которую он нам заплатил. Я провел в особняке Хака только три часа и сомневаюсь, что могу претендовать на гонорар из расчета триста тридцать три доллара тридцать три цента за час, принимая во внимание то, как обернулись события. Пусть наш клиент и не был величайшим творением природы, но явиться в дом для ведения расследования, мило поболтать, дожидаясь, пока несчастного отправят на тот свет, а затем распахнуть дверь и обнаружить труп не входит в мои представления о шедевре сыска. Мне это не по нраву. Кроме того, мне не по нраву те замечания, которые позволяют себе Кремер и Стеббинс, когда я позвоню в полицию и сообщу, что кто-то уколошил клиента мистера Вулфа, стоило мне ненадолго отвернуться, поэтому не будут ли они столь любезны приехать и заняться расследованием. Вам эти замечания тоже вряд ли придутся по вкусу.

– Я их не услышу. Есть альтернатива?

– Да. Видите ли, задето мое самолюбие.

– Понимаю.

– Меня бесит, что кто-то считает, будто можно безнаказанно лишать жизни ваших клиентов практически в моем присутствии. Я хочу проучить мерзавца. Я уже предупредил миссис О’Ши, что приглашен остаться на обед. Убийца сейчас как на иголках. Он ждет, что труп вот-вот обнаружат, и если я хотя бы наполовину так хорош, как думаю, то увижу, услышу или почувствую это. По крайней мере, стоит попробовать.

– Ты уверен, за тобой все чисто?

– Абсолютно. Что же до волоса на ковре или ненароком оставленного отпечатка пальца, так я заходил в комнату раньше. Хотелось бы отметить, что если, по-вашему, как неоднократно случалось прежде, мы остались кое-что должны клиенту взамен той суммы, которую он нам заплатил, то куда проще будет сквитаться до того, как командовать парадом начнут полицейские. А труп я могу обнаружить и сам, в любой момент, как только понадобится.

– Значит, ты не вернешься домой к обеду, – проворчал он.

Я ответил «нет», повесил трубку и посидел некоторое время, приводя мысли в порядок. Вероятность того, что, перенервничав в ожидании, когда обнаружат тело, убийца как-то выдаст себя, десятикратно уменьшалась, стоило мне одним неосторожным словом или взглядом дать ему понять, что я в курсе происшедшего. Впрочем, так ли? Может, наоборот, следовало припугнуть его?

Я покинул телефонную будку, вернулся обратно к особняку Хака, позвонил у крыльца и был впущен гренадершей. Она держалась так же бесстрастно, как раньше, поэтому я заключил, что никаких сенсационных открытий в мое отсутствие не произошло. Когда я направился к лестнице, чтобы спуститься на кухню и отыскать там миссис О’Ши, кто-то произнес мое имя, я обернулся и увидел Дороти Рифф.

– Я пыталась найти вас, – сказала она.

– Я ходил звонить мистеру Вулфу. В котором часу вы возвращаетесь домой?

– Обычно около шести, но сегодня... – Она сделала неопределенный жест. – Я предупредила мистера Хака, что останусь, пока вы не закончите. – Она огляделась по сторонам. – Здесь не слишком удобно разговаривать. Давайте зайдем сюда.

Она провела меня в комнату, где мы с миссис О’Ши смотрели телевизор, а оттуда в просторный зал, в котором находился стол, накрытый на шесть персон.

– С тех пор как умерла миссис Хак, мы почти всегда едим здесь, – пояснила девушка. – Правда, я редко остаюсь на обед. Присаживайтесь. Коктейли подадут позже, наверху у мистера Хака.

Мы опустились на стулья.

– Я проработала у миссис Хак секретаршей четыре года, и, когда она умерла, мистер Хак предложил мне остаться, – продолжала Дороти Рифф. – В некоторых вещах он без меня совершенно беспомощен. Я... я хотела у вас кое-что спросить.

– Пожалуйста. Все, что угодно.

– Видите ли... мистер Хак считает, что шурин пытается его шантажировать, и тут я с ним согласна. А вы как думаете?

Ее серо-зеленые глаза глядели пристально, словно она старалась прочесть мои мысли. Как-то не верилось, что девушка может быть настолько бесхитростной, поэтому я решил, что роль она играет довольно неплохо.

– Боюсь, вам придется кое-что пояснить, – сказал я. – Обычно человек сам знает, шантажируют его или нет, и ему незачем просить очаровательную секретаршу поинтересоваться у сыщика, какого тот мнения. Осторожнее, а то вы сломаете свои нежные пальчики.

Она нервно разъединила пальцы и протянула ко мне ладонь, словно в мольбе, но ее рука упала, так и не коснувшись меня.

– Пожалуй, нам лучше поговорить просто как двум людям, – произнесла она. – К сожалению, я даже не знаю, как попросить вас о помощи.

– Нет ничего проще. Какой помощи? – Я был весь внимание.

– Это касается мистера Хака. Как я уже говорила, он во многом от меня зависит. Всегда зависел. Но сейчас я в растерянности. С вашим появлением в доме он сделался подозрительным. Мистер Хак в курсе, что его племянник, Пол Таер, водит дружбу с мистером Луэнтон, и думает, что я тоже в близких отношениях с Полом. Кажется, он подозревает, что мы трое вступили в заговор, чтобы его шантажировать. Конечно, вслух ничего сказано не было, но, по моему, Хак рассуждает именно так. Может, если вы откроете мне подоплеку дела и объясните, какие цели в действительности преследует мистер Луэнтон, я сумею что-нибудь посоветовать? Я очень хорошо знаю мистера Хака, знаю ход его мыслей. Кроме того, ведь не хотите же вы, какое бы задание мистера Луэнтон ни выполняли, чтобы я лишилась выгодного места из-за подозрительности мистера Хака?

– Ни в коем случае! – с чувством произнес я. – Однако вы говорите, что согласны с мистером Хаком в том, что Луэнтон пытается его шантажировать. Мистер Луэнтон – наш клиент, и мне это неприятно. Думаю, ситуация требует прояснения. Как вы относитесь к тому, чтобы пойти к Луэнтону, расспросить его и посмотреть, что он сможет ответить?

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

Она колебалась всего мгновение.

– Пойдемте, – сказала она, вставая.

Оказавшись в коридоре, мы направились к лестнице и начали подниматься. К середине первого пролета я уже придумал, как выкрутиться, чтобы отложить обнаружение трупа до тех пор, пока мне не представится возможность повидать еще несколько персонажей. Но ретироваться не пришлось. Когда я обернулся к ней на площадке второго этажа, она уже сама остановилась и застыла, откинув голову немного назад, чтобы видеть меня во весь рост.

– Нет, – пролепетала она.

– Что – нет?

– От нашей затеи не будет никакого толку. Я не смогу! Не смогу разговаривать с этим человеком! – Она вздрогнула. – Просто мурашки начинают бегать по спине, как представляю его. Я не хочу, чтобы вы... – Она осеклась, прикусила нижнюю губку и, развернувшись, двинулась по коридору по направлению к двери в комнату Хака. Она не бежала, но шла очень быстро.

Дойдя, она постучала, не дожидаясь ответа, скользнула внутрь и хлопнула за собой дверь. Я беззвучно прокрался по толстому ковру, приник к широкой деревянной панели и приложил ухо к щелке у косяка. Ничего не разобрать, только слабое, приглушенное бормотание. Я решил подождать, надеясь, что громкость прибавится, если завяжется спор, но тут меня насторожил донесшийся сверху звук. Когда на лестнице показались туфельки и пара стройных ножек, я уже стоял возле лифта и нажимал на кнопку.

Это оказалась Сильвия Марси. Достигнув конца пролета, она, вместо того чтобы продолжать спускаться вниз, повернула в мою сторону и стала приближаться, как мне показалось, с намерением начать свое воркование, но я ошибся. Она не просто послала мне взгляд, но, продвигаясь вперед, не спускала с меня глаз, а поравнявшись, даже вывернула голову, чтобы, по-прежнему не издавая ни звука, следовать дальше, сверля меня своими буравчиками. Я мог бы выставить ногу, и Сильвия неизбежно споткнулась бы об нее, проходя мимо. Она проплыла к комнате Хака, постучала и тоже вошла, не дожидаясь ответа. В этот момент передо мной раскрылись двери лифта, я шагнул внутрь и нажал кнопку с пометкой «П».

Отыскать в подвале кухню оказалось сложно. Она была большой, чистой и полной приятных запахов. Обитательница ее, маленькая пухленькая женщина с обилием подбородков,

которую я не видел раньше, стояла возле стола, занимаясь чисткой грибов, а миссис О'Ши сидела напротив и сортировала какие-то бумажки.

– Знаете, я забыл предупредить, миссис О'Ши, что мистер Луэнт вряд ли появится к обеду, – произнес я, приближаясь. – Когда он приглашал меня остаться, я понял из его слов, что при сложившихся обстоятельствах такой вариант ему представляется наиболее корректным.

Она повозилась со своими листочками еще немного, наконец оторвалась и ответила:

– Что ж, хорошо. Вы, кажется, собирались со мной поговорить?

– Да. Но вы сказали, что будете заняты. – Я бросил взгляд на повариху. – Здесь?

– Тут ничуть не хуже, чем где-то еще.

Я присел на край огромного стола, стоявшего посреди кухни. Миссис О'Ши возобновила занятия с бумажками, распределяя их по стопкам. Наблюдая за быстрыми, уверенными движениями ее рук, я невольно прикидывал, могла ли она нанести удар, оборвавший жизнь Луэнта. Впрочем, моим мозгам следовало бы поискать занятие получше, поскольку было очевидно, что даже десятилетний мальчишка справился бы с Луэнтом, имея он соответствующие оружие и намерение.

– Из сказанного вами ранее, миссис О'Ши, у меня сложилось впечатление, что вам в некотором смысле жалко мистера Луэнта, – произнес я.

Она поджала губы:

– Мистер Луэнт – чрезвычайно аморальный тип. Он доставляет людям одни неприятности, поэтому не заслуживает никакой симпатии.

– Следовательно, мое впечатление оказалось ложным?

– Я этого не говорила. – Она устремила на меня взгляд своих темно-голубых глаз, слишком холодных, чтобы выражать жалость к кому бы то ни было. – Откровенно говоря, мистер Гудвин, мне нет ни малейшего дела до ваших впечатлений. Я беседую с вами только потому, что так захотел мистер Хак.

– А я, миссис О'Ши, беседую с вами потому, что человек, чей отец построил этот дом, имеет все основания считать, что его обманывают, и нанял меня, чтобы разобраться. Данный аспект вас тоже не интересует?

– Нет. – Она вернулась к своим бумажкам.

Я пожал плечами. Сложность заключалась в том, что растормошить ее можно было только с помощью серии хорошо подобранных наводящих вопросов, большинство из которых задавать было преждевременно, поскольку о смерти Луэнта еще никто не знал. Никто, кроме убийцы и меня.

– Ладно, давайте попробуем иначе, – уступил я. – С момента нашей первой встречи в швейной прошло уже более двух часов. Вы разговаривали после этого с мистером Луэнтом? Если да, то когда, где и что было сказано?

– Спросите его самого.

– Непременно, но сперва я хотел бы...

Мне помешали закончить. Дверь в дальней стене кухни распахнулась, и из нее, беззвучно катясь на резиновых шинах, появился внушительных размеров ящик из нержавеющей стали. В высоту он почти достигал плеч Пола Таера, который толкал его сзади. Пол подкатил ящик поближе к столу миссис О'Ши и остановился.

– Все в порядке, – сказал он. – Мне только потребовалось заменить пришедшую в негодность шину на новую. К вашим услугам.

– Спасибо, Пол. – Она скрепила листочки и убрала их в стол. – Очень хорошо, что ты его починил. Мистер Гудвин остается на обед, поэтому, пожалуйста, отвези его наверх и предложи коктейль. Харриет, не забудь про каперсы. Мистер Хак не станет без них обедать.

Маленькая пухлая женщина ответила, что все помнит, и миссис О'Ши удалилась, вилля бедрами, из чего я заключил, что это не было приманкой, предназначенной персонально для мистера Хака.

Я обернулся к Полу Таеру:

– Хотя Луэнт пригласил меня остаться на обед, сам он на него не собирается. Как по-вашему, мне все равно положен коктейль?

– Безусловно, – небрежно бросил Пол. – Этот обычай был заведен тетей пару лет назад, как раз когда у Хака стали сдавать ноги. Хак сохранил его. Ну, как продвигается дело? Вы вычислили дядину пассиву?

– Да, но еще не готов приклеить на нее этикетку. – Я ткнул пальцем в сторону ящика. – Что это? Посудомоечная машина?

– Вовсе нет. Сервировочный столик, спроектированный тетей и изготовленный на заказ. Подключается к любой розетке.

– Да это же целый фургон! – Я приблизился к сооружению. – Пожалуй, когда мистер Вулф завтракает в комнате, ему бы пригодилась такая штука. Можно взглянуть?

– Конечно, прошу вас. Мне нужно вымыть руки.

Он подошел к раковине и отвернул краник.

Я открыл дверцу ящика. Внутри его хватило бы места для завтрака на целую семью. Многочисленные пазы по бокам позволяли размещать полочки на необходимом расстоянии. Я подергал одну из них, постучал по стенкам и обследовал термостат.

– Милая вещица, – заключил я с восхищением. – Именно то, что мне хотелось бы получить на свой девятый день рождения.

– Постараюсь запомнить и прислать вам такой же. – Таер вытирал руки бумажным полотенцем.

– Уж не забудьте. – Я подошел к нему ближе. – Скажите... сегодня днем Луэнт не говорил вам чего-нибудь... ну, неприятного о мисс Рифф?

Таер покосился на меня:

– О чем вы?

– Просто спрашиваю. Так говорил или нет?

– Нет. Я не видел Луэнта с тех пор, как он привел вас ко мне в комнату и удалился. А все-таки почему вы спросили?

– Пустяки. Просто кто-то что-то сболтнул. Не обращайтесь внимания.

– Кто сболтнул? И что?

Я покачал головой:

– Давайте отложим эту тему. Если захотите, я объясню после обеда. Мы опоздаем на коктейль.

Он бросил бумажное полотенце в мусорную корзину, промахнулся, что-то пробурчал, подошел, поднял его и сунул внутрь, после чего скомандовал мне следовать за ним, и мы направились к лифту.

В большой, роскошно обставленной комнате Хака выбор напитков оказался обильным и разнообразным. Бутылки теснились в стоявшем посреди комнаты передвижном баре, у края которого, свежевыбритый, тщательно причесанный и одетый в лимонного цвета рубашку с коричневой бабочкой и коричневый же пиджак, сидел в кресле-каталке Теодор Хак. Шотландский клетчатый плед, прикрывавший днем его ноги, был заменен коричневым стеганым. Комнату ровно освещал мягкий свет горевших повсюду ламп. Одна из них – в виде шелковой розовой сферы на конце металлической опоры – была прикреплена к креслу Хака. Когда мы вошли, он радушно приветствовал нас:

– Пол, тебе, как обычно, дайкири? А вам, мистер Гудвин?

Приметив в его коллекции бутылку ирландского виски «Мэнган», я не стал колебаться. Хак сам налил, и Сильвия Марси передала мне стакан. Она сменила форму медсестры на аккуратное платьице точно такого же цвета, как и рубашка Хака. Но воркование осталось прежним. Миссис О'Ши стояла чуть сбоку, потягивая виски со льдом, а Дороти Рифф примостилась возле бара с наполовину пустым высоким бокалом. Получив щедрую порцию «Мэнгана», я отошел в сторону и принялся наблюдать. У меня отличное зрение и слух, к тому же длительное время тренированные под руководством Ниро Вулфа, но я не заметил ни единого жеста, не услышал ни единого слова, хоть как-то указывавших, что один из присутствующих знает, что всего в пятидесяти футах отсюда лежит труп с проломленным черепом. Они разговаривали, подливали друг другу напитки и смеялись над байкой, которую рассказывал Хак. Это была приятная маленькая вечеринка, не шумная, но абсолютно раскованная.

Под конец Хак еще больше поднял общее настроение. Когда миссис О'Ши собралась уходить, он попросил ее задержаться, наклонился и открыл нижнее отделение в боковой стенке своего кресла. Выпрямившись, он продемонстрировал собравшимся три маленькие коробочки с надписью «Тиффани» и обратился к женской половине:

– Уверен, нет смысла повторять, что если бы не вы, дорогие леди, то моя жизнь, жизнь калеки, была бы ужасной. Именно вы делаете ее не только терпимой, но и даже приятной, весьма приятной. Я долго думал, как лучше выразить вам свою признательность. – Он постукал пальцем по верхней коробочке. – Я собирался вручить подарки в следующую среду, в свой день рождения, но в связи с приходом мистера Гудвина решил сделать это сегодня. Его появление в доме, организованное моим шурином, вы вправе рассматривать как обвинение в свой адрес, причем, я уверен, обвинение совершенно несправедливое. Да, мистер Луэнт – брат моей жены, и мне следует быть к нему снисходительным, но все же есть предел. Он родился в этом доме, и я никогда не оспаривал его права жить и умереть здесь. Но хочу, чтобы вы знали, что я несколько не сомневаюсь в вашей честности и преданности, и, дабы сделать свое заявление более весомым, прошу вас принять в присутствии мистера Гудвина эти маленькие подношения. Миссис О'Ши.

Он протянул ей одну из коробочек.

– Мисс Рифф.

Секретарша послала Хаку одну из самых ослепительных улыбок.

– Мисс Марси.

Сиделка мило сделала реверанс.

Буквально через секунду послышались возгласы и прочие выражения восторга. Мисс Марси разразилась залившимся воркованием, чем наверняка вызвала бы у меня слезы, не будь мои глаза заняты в этот момент наблюдением.

– Как часы они тоже неплохи, – кивнув, произнес Хак.

Стараясь не показаться невоспитанным, я все же разглядел, что все три подарка представляли собой часы, вероятно совершенно одинаковые, и если украшавшие их красные камешки являлись бирманскими рубинами, то воркование Сильвии не было таким уж наигранным. Пораженный Пол Таер плеснул рома в свой стакан и выпил его одним махом. Зажав коробочку в руке, миссис О'Ши поспешила прочь из комнаты, и через мгновение я услышал гудение лифта.

Спустя какое-то время лифт загудел снова, дверь комнаты отворилась, и на пороге возникла миссис О'Ши, толкающая сервировочный столик из нержавеющей стали на резиновых колесиках. Столик был почти одной высоты с ней и значительно шире в обхвате. Мисс Марси отодвинула бар, и миссис О'Ши установила его возле кресла Хака.

– Позвольте налить вам супа? – предложила она.

– Вы же знаете, миссис О'Ши, что я предпочитаю делать это сам, – упрекнул ее Хак.

Он развернул одну из полочек, превратив ее в стол, и потянулся за салфеткой.

Все заспешили к выходу, и я последовал за ними. Когда в коридоре мы с Таером оказались позади остальных, он проворчал:

– Похоже, старый козел возомнил себя восточным халифом. Подумать только, всем трем!..

Направляясь к лестнице, мы прошли всего в метре от двери в комнату Луэнта. Насколько я мог заметить, никто на нее даже не посмотрел.

Глава 5

Было без двадцати восемь, и обед уже почти закончился, когда я сказал, что не хочу кофе, под каким-то предлогом вышел из-за стола, поднялся на третий этаж и нырнул в комнату Луэнта.

Я решил, что пришло время обнаружить труп. За ужином все держались достаточно любезно, за исключением дувшегося по какому-то поводу Таера, но было очевидно, что они вели себя так только потому, что Хак дал указание потакать своему шурину. Никто не сказал и не сделал ничего, что возбудило бы мои подозрения, и, оглядев их, когда подавали десерт, – хмурающегося Таера, холодную и самоуверенную миссис О’Ши, Дороти Рифф, с глупой улыбкой рассматривающую свои новые часики, и Сильвию Марси, кивающую мне с видом сочувствующей медсестры, – я испытал острейшее желание устроить каждому из них многосерийное интервью с полицией, точнее, с матерыми представителями отдела по расследованию убийств. Я также был вынужден признать, что ничего не достигну, если и дальше буду пытаться расследовать убийство, а присутствующие по-прежнему не будут о нем знать.

Теперь, стоя в узком проходе за закрытой дверью, я сжимал кулаки от охватившего меня гнева. Я никогда не считал, будто навожу на всех такой священный ужас, что в радиусе мили от меня никто не должен даже помышлять о совершении преступления, но в этом доме кто-то обладал поистине феноменальной наглостью, раз осмелился так отделать клиента Вулфа, когда я крутился поблизости. Лежащий на полу Луэнт выглядел еще более жалким и маленьким, чем когда был жив. Конечно, я страстно желал скорейшей поимки убийцы, но только не табуном блюстителей порядка во главе с лейтенантом Роуклиффом, который непременно припрет меня к стенке и начнет поджаривать на медленном огне. С другой стороны, собственными усилиями, принимая во внимание темпы продвижения расследования за последние два часа, я достиг бы первых успехов не раньше следующего четверга.

Я прислушался, открыл дверь, выскользнул из комнаты и закрыл ее за собой. Постоял, озираясь. Никого. Я подошел к лестнице и начал тихонько спускаться. Это было нетрудно, особенно при наличии устилавшего ступеньки ковра. Миновав этаж, я снова остановился. Снизу из комнаты, где был сервирован обед, доносились голоса, следовательно, все еще сидели за столом. Я пересек коридор и шмыгнул в кабинет Хака.

Плотно прикрыв за собой дверь, я нашарил на стене выключатель. От люстры на потолке разлился яркий свет. Я приблизился к столу, состоявшему, по сути, из двух столов с проходом посередине, так что, когда Хак вписывал в него кресло-каталку, рабочие поверхности оказывались с обеих сторон. Слева стояли три телефона – внутренний и два городских – с номерами, написанными на картонных вставках. Я пододвинул к себе тот, на котором был номер, указанный в телефонной книге. Меня не интересовало, сколько еще аппаратов имелось на этой линии. Я оглянулся вокруг в поисках двух необходимых мне предметов. Первый, точно такой, как нужно, лежал на противоположном конце стола: это было пресс-папье, тяжелый шар из зеленого мрамора, для устойчивости сточенный с одной стороны. На роль второго сгодилась бы любая из сотен книг, имевшихся под рукой в комнате. Следовало бы сперва провести несколько экспериментов, чтобы установить, какой толщины книгу взять и как сильно ударить по ней для получения необходимого эффекта, но я решил, что при данных обстоятельствах не стоит тянуть время.

Я выбрал том толщиной дюйм, положил его плашмя на свободную от телефонов половину стола, снял трубку, набрал номер и взял пресс-папье в правую руку.

Ответил Фриц. Выразив сожаление, что приходится отрывать Вулфа от обеда, я сказал, что хотел бы кое о чем его спросить. После паузы в трубке послышался сердитый голос Вулфа:

– Арчи?

Я заговорил эмоционально и торопливо:

– Я в кабинете Хака. Возможно, меня подслушивают по второму аппарату, но ничего не поделаешь. Если вызвать полицейских сейчас, за это придется слишком дорого заплатить, потому что... впрочем, объяснять долго. Вы категорически отказываетесь покинуть дом по делам – что ж, ладно. Но пришлите хотя бы Сола. Мне нужна помощь. Если вы разыщете Сола, то передайте...

Я оборвал себя, с размаху опустив на книгу пресс-папье и издав что-то вроде короткого агонизирующего стога, какой издает человек, если его хорошенько стукнули по голове. Я позволил трубке с грохотом упасть на стол, после чего повалился на пол достаточно шумно, чтобы это было слышно на другом конце линии, но все же достаточно тихо, чтобы не переполошить Хака наверху и четверку соотрапезников внизу. Чуть подождав, я поднялся и посмотрел на лежащую на столе трубку. Что с ней делать? Вопрос оставался открытым. Конечно, для злодея, раскроившего мне череп, было бы наиболее естественным опустить трубку обратно на рычаг, но тогда Вулф смог бы набрать номер, а я не хотел, чтобы по всему дому начался трезвон. При снятой же трубке Вулф получил бы гудок «занято», поэтому я так ее и оставил.

Теперь предстояло ждать. В принципе, Вулф мог попытаться набрать номер, наткнуться на короткий гудок и успокоиться, но я в этом сильно сомневался. Он был упрям, но не настолько. Звонить полицейским, мол, сходите и пощупайте ему пульс, он бы ни за что не стал – во всяком случае, после того, как сам благословил мое намерение не сообщать пока об убийстве. Следовательно, он должен был приехать лично, что мне и требовалось, и я хотел вовремя оказаться у дверей, чтобы встретить его.

Однако покинуть кабинет, оставив трубку лежать на столе, не стоило. Чтобы выйти из дому и отправиться в путь, Вулфу наверняка хватило бы двух минут, но я решил подождать десять. Я поставил пресс-папье на место, вернул книгу на полку и провел остаток времени, поглядывая на часы. По истечении десятой минуты я опустил трубку на рычаг, покинул комнату и спустился в холл.

Там стояла Дороти Рифф в шляпке и надевала пальто. Если бы я задержался на тридцать секунд, то остался бы без одного из действующих лиц. Она окинула меня взглядом, но не заговорила.

– Надеюсь, вы покидаете нас не насовсем? – вежливо спросил я.

– Да, – отрывисто ответила она. – Я ухожу домой. Есть возражения?

– Есть, – тоже отрывисто сказал я.

– О! Даже так? – Она скосила на меня взгляд.

Я кивнул:

– Вы для меня народ слишком утонченный. Я из тех, кто тычет в людей пальцем, а здесь для этого неподходящая обстановка. Поэтому я позвонил мистеру Вулфу, объяснил ситуацию, он со мной согласился и сейчас находится на пути сюда. С вами он захочет поговорить в особенности, поскольку именно вы предположили, что его клиент – шантажист. Так что не могли бы вы еще немного подождать?

– Сюда едет Ниро Вулф? – нахмурилась она.

– Да.

– Зачем?

Я сделал неопределенный жест рукой:

– Расследовать.

– Я вам не верю.

– Что ж, я слов на ветер не бросаю. Увидите – поверите, а уж увидев его, вы поверите точно. А пока я назначил себя привратником, чтобы впустить мистера Вулфа и никого не выпускать.

– Глупости! Я вольна уйти, когда захочу.

– Конечно можете. Но вы думаете, это понравится Хаку?

Она открыла рот, закрыла его, развернулась, подошла к лестнице и взлетела по ней.

Едва она скрылась, из комнаты, где стоял телевизор, появился Пол Таер, сопровождаемый миссис О’Ши и Сильвией Марси.

– Что за базар? И где мисс Рифф? – спросил Таер, когда они подошли.

Я ответил, что, узнав о намерении мистера Вулфа присоединиться к нам, она поспешила подняться наверх, чтобы предупредить мистера Хака. Новость, похоже, не произвела на миссис О’Ши совершенно никакого впечатления, но Сильвия Марси что-то восторженно проворковала, а Таер шагнул назад, опустил подбородок и уставился на меня из-под своих тяжелых бровей. Вопросов и комментариев у него не было, зато они были у женщин. Миссис О’Ши заявила, что всегда думала, будто профессиональные сыщики больше причиняют неприятности, нежели избавляют от них, и теперь она получила возможность в этом убедиться. Мисс Марси сказала, что почтет за счастье отвечать на вопросы, задаваемые самим Ниро Вулфом, пусть даже они будут не по поводу чего-либо столь ужасного, как убийство, вот только она недостаточно сообразительна и опасается, что запутается относительно каких-нибудь мелочей.

Раздался звонок, я открыл дверь, и Вулф шагнул в прихожую. Он пронзил меня взглядом, обвел глазами остальных, повернулся ко мне и буркнул:

– Ну?

– Мисс Марси. Миссис О’Ши. Мистер Таер, – представил я. – А это мистер Вулф.

Вулф наклонил голову на четверть дюйма:

– Как поживаете? – Затем снова мне, громче и отчетливее: – Ну?

– Тут есть лифт, что значительно упрощает дело, – произнес я. – Мы все в него сядем и поедем. Мы с вами выйдем на следующем этаже, зайдем в кабинет, и я объясню ситуацию. Остальные направятся в комнату мистера Хака этажом выше и предупредят, что мы скоро объявимся. Или, если хотите, я сам могу доложить о вас. Все предельно просто. Ваше пальто и шляпу, сэр.

Он позволил мне их взять, и я положил вещи на стул. Пока мы направлялись к лифту, Сильвия Марси уже успела что-то проворковать Вулфу, но я не разобрал, что именно. Этажом выше мы с Вулфом вышли, я провел его через коридор к кабинету и, распахнув дверь, посторонился, пропуская его.

Когда, закрыв дверь, я обернулся, Вулф уже смотрел на меня.

– Ну?! – прорычал он.

– Да, сэр. Позвольте начать? – Я подошел к столу и встал между двумя его половинками. – Итак, я воспользовался этим телефоном. – Я прикоснулся к аппарату. – Сперва я положил сюда книгу. – Я похлопал по столу. – Затем набрал номер, взял в правую руку вот это. – Я поднял пресс-папье. – И в подходящий момент шлепнул им по книге. После чего застонал, бросил трубку и упал на пол.

Это был один из тех двух, трех или, возможно, четырех случаев, когда я видел Вулфа лишившимся дара речи. Он даже не выглядел расвирепевшим.

Осмотревшись вокруг и не найдя кресла, которое бы ему приглянулось, он подошел к стоявшему у стены дивану, сел и придавал своему телу устойчивость, растопырив руки и опершись ладонями о диван.

– Я отказался от салата, сыра и кофе, – проговорил он, – и поспешил приехать сюда...

– Да, сэр. Я вам неизмеримо признателен. Я могу...

– Молчи! Ты рассматриваешь мое правило никогда не покидать дом по делам как глупую прихоть рассчитывающего прослыть оригиналом упряма. Но это не прихоть; это всего лишь необходимое условие приемлемого существования. В противном случае частный сыщик превращается в раба всякого клиента, а в Нью-Йорке десять миллионов жителей. Неужели ты так твердолюб, что не можешь понять меня?

– Нет. Но я...

– Молчи! – Теперь он достаточно выпустил пар, чтобы поджать губы и свирепо посмотреть на меня, затем помотал головой. – Хотя нет. Говори.

Я придвинул стул и поставил его напротив Вулфа, зная, что он не любит выворачивать голову, общаясь с собеседником. Сев, я оказался достаточно близко, чтобы понизить голос до шепота.

– Хотя я совершенно уверен, что в этой комнате нет подслушивающего устройства и что здесь никто не прячется, орать все-таки не следует, – произнес я. – Мне нужно пересказать вам события последних трех часов. Это займет семь минут.

– Слушаю. Говори! – прорычал он.

Я рассказал ему все, правда немного выбившись из регламента, но не так чтобы сильно. С его лица не сходило страдальчески-капризное выражение, но по глазам я видел, что он слушает.

– Когда во время обеда я встал из-за стола и поднялся наверх, – продолжал я, – единственным моим намерением было взглянуть на труп еще раз и вызвать полицейских. Но, оказавшись в комнате Луэнта, я понял, что должен сперва посоветоваться с вами, а звонить из дома мне не хотелось. Мне были нужны инструкции. Сами посудите, ведь если бы явились полицейские, мне пришлось бы объяснять, зачем Луэнт нас нанял, а здешние обитатели, в свою очередь, рассказали бы, что я заявил им по поводу целей расследования. Возникла бы неувязочка, и я угодил бы еще в один из тех дурацких переплетов, благодаря которым уже имел счастье сидеть навтыжку перед окружным прокурором по десять часов кряду. И вы попали бы в этот переплет вместе со мной. Мне требовалось, чтобы вы все взвесили и приняли решение, но оставлять дом, чтобы пойти позвонить, я не хотел.

Он что-то буркнул без тени симпатии.

– В конце концов, – заключил я, – ведь не случилось ничего непоправимого, если не принимать в расчет проломленный череп Луэнта. Вы можете распорядиться, как мне действовать и что говорить, и идти домой наслаждаться салатом, сыром и кофе. Когда вы благополучно покинете пределы здания, я поднимусь в комнату нашего клиента, чтобы о чем-нибудь его спросить, с ужасом обнаружу, что он мертв, и помчусь ставить в известность хозяев и полицию. Что же касается тысячи, которую Луэнт заплатил вам, то он, несомненно, признал бы, что вы честно ее заработали, придя сюда и объяснив мне, как следует поставить дело, чтобы его смерть причинила нам как можно меньше неудобств.

Вулф уставился на меня. В подобной ситуации, находясь в тиши своего кабинета, он издал бы разъяренный вопль, но здесь ему пришлось сдержаться.

– Вздор! – произнес он горько. – Ты не хуже меня знаешь, зачем ты это сделал. Полиция, в особенности мистер Кремер, никогда не поверит, что ты осмелился бы заманить меня сюда ради чего-либо менее серьезного, нежели убийство, и они знают, что без твоего трюка я бы вообще не пришел. Поэтому я вынужден сам приняться за расследование случившегося. Есть в комнате мистера Хака приличное кресло?

– Есть одно, которое вам подойдет, но не надейтесь, что оно вам понравится.

– Я и не надеюсь. – Он поднялся. – Ладно, пошли.

Глава 6

Проблема посадочных мест в комнате Хака вызвала небольшую заминку.

После того как Вулф был представлен Хаку и Дороти Рифф и хозяин дома нехотя уступил желанию Вулфа обсудить дела его клиента Германа Луэнта, оказалось, что единственное кресло, способное с достоинством вместить габариты великого сыщика, занимал Пол Таер, который все еще на что-то дулся и поэтому не обратил внимания на мой вежливый намек. Когда же я открытым текстом попросил его пересесть и даже прибавил «пожалуйста», он посмотрел на меня исподлобья, но повиновался.

Наконец Вулф уселся и, покрутив головой, обозрел присутствующих, а они вперились взглядами в него. Я же почувствовал себя вполне уютно, сознавая, что свалил со своих плеч бремя ответственности. Впрочем, Вулф предупредил меня, что поведет речь об убийстве, и я понимал, что, гневаясь на мою выходку, заставившую его пуститься в трехминутное путешествие на такси, он может забавы ради повернуть дело так, чтобы не убавить, а, наоборот, прибавить мне хлопот с полицией.

– Я уже объяснил мистеру Гудвину, что мирюсь с его вмешательством исключительно из уважения к своему шурину, – заговорил Хак очень учтивым тоном. – Однако теперь вдобавок появляется вы... Откровенно говоря, мистер Вулф, всякому терпению существует предел.

– Я на вас не в обиде, сэр, – кивнул Вулф. – Отвечу откровенностью на откровенность и признаю, что во всем виноват мистер Гудвин. Допустив просчет с самого начала, он до такой степени усложнил дело, что я не мог не вмешаться. Около четырех часов назад он дважды звонил мне из телефонной будки, и уже тогда я заподозрил, что одна из находящихся в доме женщин, вероятно, столь ловко приворожила его, что он практически утратил способность соображать. С мистером Гудвином такое случается. Когда же некоторое время спустя он вновь позвонил, на этот раз отсюда, из кабинета, опасения подтвердились, и я даже смог идентифицировать колдунью.

Он перевел взгляд с миссис О’Ши на мисс Марси и затем на мисс Рифф, но реакции не последовало, так как все они смотрели на меня. Понимая, что сейчас он пытается взять реванш, я изобразил смирение.

– Поскольку иного выхода не было, – продолжал Вулф, – я приехал сюда, чтобы его заменить. И теперь, оказавшись здесь, я хочу отказаться от той детской уловки, которую так стремились использовать мистер Луэнт и мистер Гудвин. Им следовало бы знать, что их притворное беспокойство насчет кругленькой суммы, якобы тайно оставленной сестрой Луэнта для передачи брату после своей смерти, никем не будет воспринято всерьез. – Он посмотрел на Хака. – А вы, сэр, кажется, даже предположили, что это нечто вроде шантажа, так?

– Я не исключал подобной возможности. – Миллионер Хак не давал повода для обвинения в клевете. – Так вы сказали, что это была уловка?

– Да. – Вулф взмахнул рукой. – И давайте от нее откажемся. Вынюхивать по углам – не в моем вкусе. Я куда больше люблю действовать напрямую, поэтому открыто заявляю, что пришел сюда вести речь об убийстве.

Реакция собравшихся была шумной, но не взрывной. Подбородок Таера вскинулся вверх. Лично я восторга не испытывал. Раз уж Вулф раскрыл карты, звонок в полицию представлялся теперь вполне логичным, но что после этого будет со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.